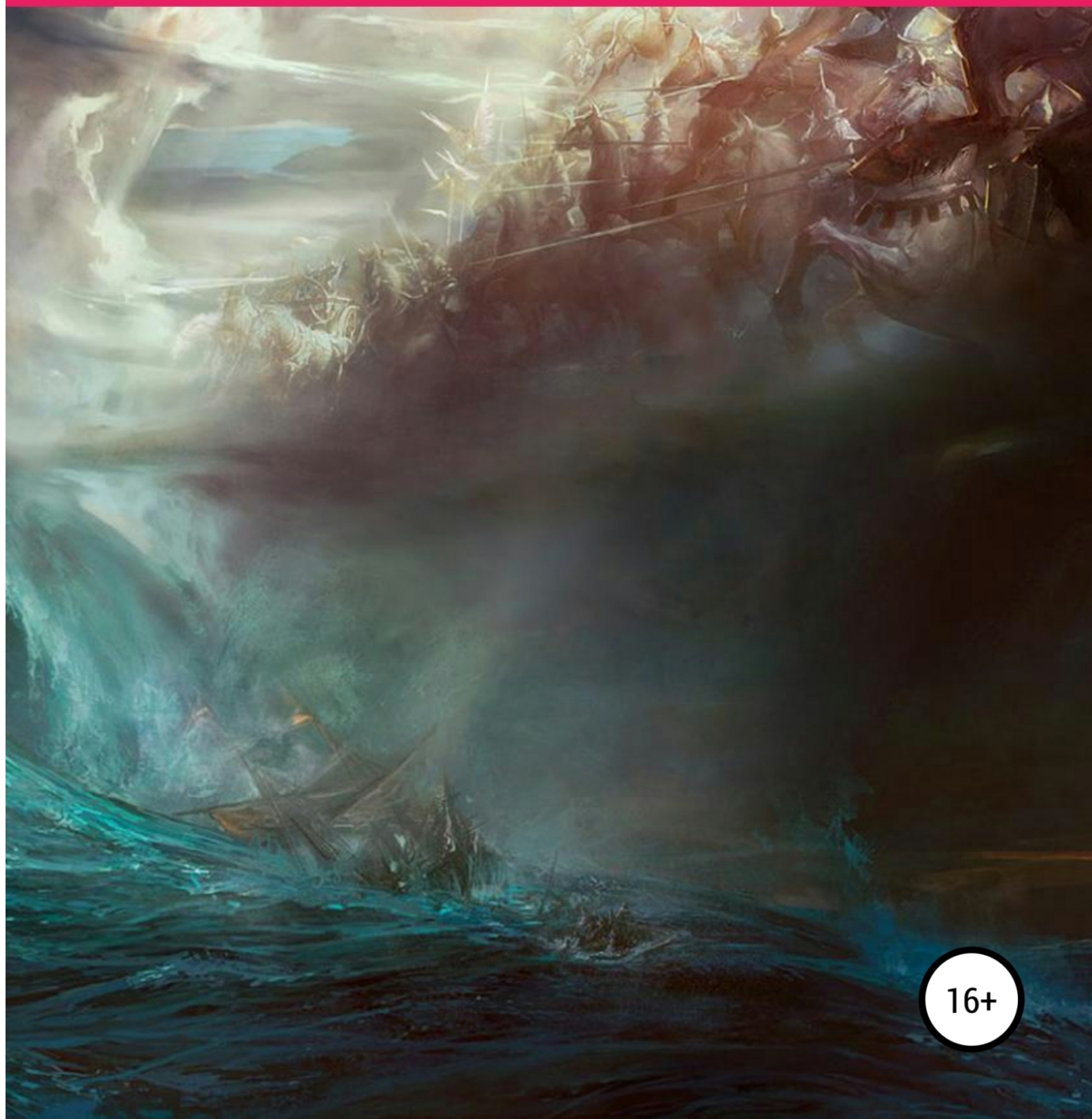

Валерий ПИКУЛЕВ

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В ПОДВАЛЕ

Загадки Северной войны

16+

Валерий Пикулев

Рукопись, найденная в подвале

«Автор»

2022

Пикулев В. А.

Рукопись, найденная в подвале / В. А. Пикулев — «Автор», 2022

В начале Северной войны русские войска захватили во время кампании 1703 года шведскую крепость Ниеншанц, стоявшую на Неве. А уже 16(27) мая 1703 года Пётр I в устье Невы основал Санкт-Петербургскую крепость. И это на шведских-то землях, вошедших в состав России лишь в 1721 году! Немудрено, что шведы не оставили попыток вернуть отбитые русскими территории и уничтожить их новую крепость. Одной из таких попыток – 8 июля 1703 года – и суждено было открыть новую страницу в истории государства российского. Этим событиям, навсегда вернувшим России её древние северо-западные земли, и посвящена повесть.

© Пикулев В. А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

От автора	5
Таинственная находка	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Валерий Пикулев

Рукопись, найденная в подвале

От автора

Столбовский мир 1617 года, завершивший неудачную для России войну со Швецией, закрепил за последней огромную территорию (вся нынешняя Ленинградская область!): от Выборга на севере и к югу от Невы – до Луги. На этих землях возникла шведская провинция Ингерманландия, а Россия полностью лишилась выхода к морю.

Далее, в шведских хрониках от 1643 года скромно упоминается о постоянной торговой ярмарке Systerbäck (что означает Сестра-река). Правда, по-фински это звучало как Siestar oja (Черносмородиновая река). Вот и всё, что мы знаем о «шведском» периоде северо-западной окраины России, – о городе Сестрорецке. Далее начинается история Сестрорецка русского. И начинается она... – однако, всё по порядку!

В начале Северной войны (войны «синих» и «зелёных», как её окрестили в народе) русские войска под водительством генерал-фельдмаршала Бориса Шереметева захватили во время весенней кампании 1703 года шведскую крепость Ниеншанц, стоявшую на месте впадения в Неву реки Охты. А уже 16(27) мая 1703 года царь Пётр в устье Невы основал город Санкт-Петербург (вернее – Санкт-Петербургскую крепость). – И это на шведских-то землях, вошедших в состав России лишь в 1721 году (Ништадтский мир)! Немудрено, что шведы не оставили попыток вернуть отбитые русскими территории и стереть с лица королевства только что возведённую ими крепость. И вот, одной из таких попыток, – а это случилось 8 июля 1703 года, – и суждено было открыть новую страницу в истории государства российского.

Именно этим событиям, навсегда вернувшим России её древние северо-западные земли, и посвящена повесть.

Таинственная находка

«Итак, стало быть, 8 июля 1703 года... – Владимир, «оттопырившись» на стуле (эту привычку он сохранил ещё со студенческой скамьи, работая над курсовиками: в минуты отдыха почти ложиться на стул, вытянув ноги), – 8 июля... и никаких, более ранних сведений!». Он ещё раз «перелистнул» страницы памяти, – ни одной зацепки! – «Выходит, двое здоровенных шведов, кляча, впряжённая в повозку и... – так, куда же они заховали этот чёртов сундук? Его так просто не спрячешь – более полутора тысяч золотых, диаметром сантиметра по три, скажем, – он даже раздвинул большой и указательный пальцы, чтобы лучше представить эти три сантиметра, – почти с центнер потянет!»

Год, проведённый в Публичке, в архивах Шведского королевства и на «пажитях» Интернета, не прошёл даром. Теперь Владимир Мякинин, – а именно так зовут нашего пенсионера-общественника, – почти доподлинно знал имена и фамилии тех мужиков, что канули в лету, прихватив с собою и сундук с полковой казной. Нильс Бекман, Бьорн Эклунд... – эти шведские имена и фамилии, отмеченные в рапорте Крониорта, звучали в его сознании, заученные как стихи. А, толку? Более в анналах истории они не появлялись и никоим образом о себе не напомнили. Были... – и нету! Правда, в его хламе нашлась фотография «дачи Бекмана»... Да тот ли самый, другой ли... – поди, узнай теперь!

Владимир взглянул на ручные часы, лежавшие перед монитором компа, – до заседания общества краеведов в библиотеке имени Михаила Зощенко, где он сегодня читает доклад о «деревянном» Сестрорецке, оставалось добрых два часа, – потянулся, приятно выгнув спину и... «а что ежели ещё разок прошерстить Сестрорецк петровской эпохи?» – Эта мысль снова всплыла из мутных глубин разума, закачавшись поплавком и создавая круги на поверхности утомлённого сознания.

Он машинально перелистал стопку бумаги, проверил... – все слайды были на месте, включая и «дачу Бекмана», давно разобранный на дрова, – и набросал план действий. Сегодня же, после доклада, снова окунётся в петровскую эпоху, а завтра... – нет, надо же поставить, наконец, жирную точку в этом нашумевшем деле о даче Бекмана и более к нему уже не возвращаться!

После доклада, – он выступал уже в самом конце заседания общества краеведов, – Мякинин шёл неторопливо к себе, на Гагаринскую, вдоль водосливного канала и... – «а что, собственно, тянуть до завтра, схожу-ка, полюбуюсь на Бекманово пепелище» – и поворотил к пустырю, где красовалась некогда резная деревянная дача действительного статского советника, отставного майора Николая Петровича Бекмана.

Помнится, дачка эта, много лет пустовавшая, была «под охраной государства» как памятник эпохи модерн... пока её не растащили по брёвнышкам «краеведы» – на дрова. Даже в суд хотели подать на застройщика, чуть было не застолбившего освободившееся место. Развалюху удалось отстоять «с целью реставрации».

Ну вот, дошёл... покрутился по развалинам, – что тут найдёшь?! – и, довольный осознанием выполненного дела (запланированного, кстати, на завтра), поворотил, было, к дому. Однако, поразмыслив, задержался у погреба... – за отпертой дверью виднелись ступеньки лестницы, ведущей вниз, – и... – «а! – была не была!» – и осторожно сделал первый шаг...

Какой-то неуютный скрип ступеней, – «а надо ли сюда лезть-то было?» – едва заметные голубоватые блики светодиодного фонарика на стенах погреба, – «ну, раз уж полез, не возвращаться же с полпути...» – не слишком-то располагали к размышлениям о былом, – «отметиться да и с плеч долой!» Ступил на земляной пол, – прогнившие доски настила кое-где ещё валялись, – быстрым росчерком фонарика осветил небольшое пространство погреба... –

«ну, довольно!» – и повернулся к лестнице. «Нет, негоже так, – прихватить бы что-нибудь на память... – ну, хотя бы этот рулончик старых газет, – и вот теперь домой!»

Подойдя к дому, Мякинин не сразу вошёл в него, – надо было сперва отдышаться, привести все чувства в норму, а вот затем... Он тяжело опустился на скамейку под окнами, сработанную ещё дедом, оглядел массивный фундамент дома... – «этот ещё долго простоит...», – похлопал рукой по его каменным плитам, на одной из которых ещё не стёрся какой-то выдолбленный знак: трезубец, обращённый остриями вверх, чуть наискосок... Достал пачку «Петра I» и с наслаждением закурил. Тонкий аромат, испускаемый кустом жасмина, что рос у входной двери, смешался с терпким запахом горелого табака, вызывая череду воспоминаний...

Читальный зал был полон до отказа. Лишь два или три столика оставались свободны (они угадывались по невключённым настольным лампам), – всё пространство же так и утопало в свете зелёных абажуров! К одному из этих столиков он и устремился.

Работа над диссертацией продвигалась успешно и уже близилась к завершению, а главное, эта работа не вызывала того чувства опустошённости, свойственного соискателям на «последних дюймах», когда уже всё равно чем закончится, лишь бы поскорее!

Он упивался работой, погружаясь в неё, словно в ласковые волны Чёрного моря, словно... – в шампанское! Ему пришлось долго и много учиться, прежде чем стал историком, – и вот теперь завершает диссертационную работу. Материал огромен! И какой материал! – Вклад шведских фамилий в российскую историю!

Сиверсы!.. Берги!.. – сколько их, великих шведских имён, нашедших в России свою вторую Родину и составивших её Честь и Славу! А ведь кроме шведов были и датчане, и финны... – Да! Материал просто огромен!

Что же натолкнуло его на это, – любовь к истории, простой интерес? Или... Но самое-то главное заключалось в том, что ему уже больше не приходилось отделять работу от жизни, – всё теперь для него слилось воедино, в единый золотой звон! Вернее, – в звон золотых!

Сегодня ему повезло и, быть может, как никогда! Роясь в стеллажах, он разыскал, наконец, недостающие звенья, подтверждавшие гипотезу о геральдических знаках, и теперь может, пожалуй, приступить к завершению... – завершению своего плана! Но всё должно быть выверено и пройти без срывов! Он снова, – и в какой уж раз! – проанализировал этот план своих действий, да и не план, собственно, а целый, хорошо разработанный сюжет для авантюрного романа! Кто вот только напишет его!

А что же дальше? Как события будут развиваться в дальнейшем? А дальше, – импровизация! Куда сюжет выведет. Наверняка известно лишь одно: он теперь заставит смотреть на себя, – но не с безразличием, как прежде, а с завистью! Теперь он сам будет создавать свою судьбу, своё счастье, а не ждать, когда капризный случай предоставит ему такую возможность!

И, наспех сложив в папку бумаги, разбросанные в беспорядке по столу, он стремительно вышел из Публички. Солнце заливало улицу, предлагая наслаждаться жизнью... и надеяться!

«Ну, что ж, хватит растекаться по древу... – пора за работу», – Владимир, затушив сигарету, встал со скамейки и направился в дом.

Сестрорецк эпохи Петра I тоже не дал результатов. Однако, это не раздосадовало Мякинина: потрёпанный свёрток бумаги, найденный вчера в погребке у Бекмана, – как здорово, что брелок-фонарик всегда с ним! – свёрток этот, небрежно брошенный теперь на краю стола, ждал своего часа. И час пробил.

Владимир не торопился, предвкушая терпкий аромат прикосновения к древности (это чувство он испытал впервые в Королевской библиотеке Стокгольма, когда наткнулся на рапорт Крониорта) и событий не ускорял. Может, потому и начал с ничего не обещавших сведений о петровском Сестрорецке. Зато теперь...

Мякинин, освободив от хлама стол, взял бумажный свёрток и осторожно его развернул... Это были старые газеты, скрученные довольно туго; и потребовалось немало времени и усилий, чтобы развернуть и отделить один от другого ветхие пожелтевшие листы. Судя по датам, сохранившимся на некоторых листах, газеты (в основном, «Молва» и «Северная почта») относились к девяностым годам XIX столетия. Они пестрели поблекшими снимками деревянных дач, паровозов с пассажирскими вагончиками, досчатых вокзальных строений, какими-то объявлениями и прочей ерундой. И здесь – мимо!

Он свернул этот ворох ненужных бумаг, – «что ж, будет чем печку растапливать», – и понёс на кухню. Резкая мелодия мобильного вывела его из привычного состояния глухой сосредоточенности – «доста-а-ли!» – и мигом погрузила в столь ненавистную им суетность реальности. Владимир, в сердцах выругавшись, бросил свёрток на вязанку поленьев и воротился к столу, где в кипе бумаг дребезжал сотовый.

Его «достал» слушатель сегодняшнего доклада, – откуда только номер взял, стервец?! – и целых полчаса гнусавил про всякую муть: о старых дачах «на снос», о каких-то там рукописях, что ищут уж не один год «чёрные копатели», а, главное, – о золоте Крониорта, будто бы спрятанном где-то, на тех дачах. Последнее из этой гнусни Владимира насторожило. – «Ищут золото... – и они тоже!»

Мякинин вернулся на кухню, чтобы поаккуратнее сложить бумаги, и... – «а это что за хрень такая?» – среди вороха газетных листов, разлетевшихся у печки, он обнаружил несколько листов-ксерокопий, ранее им незамеченных; видимо, они были заложены внутри газетного рулона... Подобрал, сложил в стопку. На ксерокопиях, сделанных явно в конце не столь давнего XX века, были отображены древние листы какой-то старинной рукописи, испещрённые мелкой латиницей... «Выходит, сама рукопись, – тут поток его вялых мыслей стал переходить на мелкую рысь, – значит, сама рукопись могла быть там же, где-то рядом...».

Владимир вытер испарину, капельками покрывшую лоб, – нет, он туда больше не пойдёт! – и уселся за письменный стол. Не даром же эти «чёрные копатели»... – нет, он туда более ни ногой! Во, куда вляпался! Нет-нет – хватит приключений!

И откуда ж ему было знать, что приключения только начинались! Усевшись за компьютер, – «а что если... – мысль показалась дельной, – если через он-лайн переводчика прокачать?» – он тут же выбрал нужный сайт и ввёл в окно браузера пару десятков из первых слов рукописи, которые смог разобрать. Сначала щёлкнул в меню по строчке «английский» – мимо (в «русской» части экрана он-лайн переводчика появилась какая-то несусветная тарабарщина). Перебрал французский, немецкий... – та же картина. Перешёл на финский – кое-что стало напоминать речь младенца, только-только научившегося гундосить первые слова! На шведском... – он от волнения вскочил, выбежал на кухню, глотнул холодной воды прямо из носика чайника, – перевод со шведского представлял речь уже не младенца, но мужа! – Да! Рукопись была составлена, конечно же, на шведском!

Подобную эйфорию он испытывал лишь единожды, – тогда, в Королевской библиотеке Стокгольма... – когда отыскал имена тех злополучных шведов! Владимир долго не мог прийти в себя! В ту ночь было не до сна, а под утро... – к утру он уже располагал почти полным текстом рукописи. Она, как отмечалось в ней, была сделана по памяти, в самом конце позапрошлого века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.